

Александр Серафимович

Две смерти

Серафимович Александр

Две смерти

Александр Серафимович

Две смерти

В Московский Совет, в штаб, пришла сероглазая девушка в платочке.

Небо было октябрьское, грозное, и по холодным мокрым крышам, между труб, ползали юнкера и снимали винтовочными выстрелами неосторожных на Советской площади.

Девушка сказала:

- Я ничем не могу быть полезной революции. Я б хотела доставлять вам в штаб сведения о юнкерах. Сестрой - я не умею, да сестер у вас много. Да и драться тоже - никогда не держала оружия. А вот, если дадите пропуск, я буду вам приносить сведения.

Товарищ, с маузером за поясом, в замасленной кожанке, с провалившимся от бессонных ночей и чахотки лицом, неотступно всматриваясь в нее, сказал:

- Обманете нас, расстреляем. Вы понимаете? Откроют там, вас расстреляют. Обманете нас, расстреляем здесь!

- Знаю.

- Да вы взвесили все?

Она поправила платочек на голове.

- Вы дайте мне пропуск во все посты и документ, что я - офицерская дочь.

Ее попросили в отдельную комнату, к дверям приставили часового.

За окнами на площади опять посыпались выстрелы - налетел юнкерский броневик, пострелял, укатил.

- А черт ее знает... Справки навел, да что справки, - говорил с провалившимся чахоточным лицом товарищ, - конечно, может подвести. Ну, да дадим. Много она о нас не сумеет там рассказать. А попадетса - пристукнем.

Ей выдали подложные документы, и она пошла на Арбат в Александровское училище, показывая на углах пропуск красноармейцам.

На Знаменке она красный пропуск спрятала. Ее окружили юнкера и отвели в училище в дежурную.

- Я хочу поработать сестрой. Мой отец убит в германскую войну, когда Самсонов отступал. А два брата на Дону в казачьих частях. Я тут с маленькой сестрой.

- Очень хорошо, прекрасно. Мы рады. В нашей тяжелой борьбе за великую Россию мы рады искренней помощи всякого благородно-

го патриота. А вы - дочь офицера. Пожалуйте!

Ее провели в гостиную. Принесли чай.

А дежурный офицер говорил стоящему перед ним юнкеру:

- Вот что, Степанов, оденьтесь рабочим. Прoberитесь на Покровку. Вот адрес. Узнайте подробно о девице, которая у нас сидит.

Степанов пошел, надел пальто с кровавой дырочкой на груди, - только что снял с убитого рабочего. Надел его штаны, рваные сапоги, шапку и в сумерки отправился на Покровку.

Там ему сказал какой-то рыжий лохматый гражданин, странно играя глазами:

- Да, живет во втором номере какая-то. С сестренкой маленькой. Буржуйка чертова.

- Где она сейчас?

- Да вот с утра нету. Арестовали поди. Дочь штабс-капитана, это уж язва... А вам зачем она?

- Да тут ейная прислуга была из одной деревни с нами. Так повидать хотел. Прощайте!

Ночью, вернувшись с постов, юнкера окружили сероглазую девушку живейшим вниманием. Достали пирожного, конфет. Один стал

бойко играть на рояле; другой, склонив колени, смеясь, подал букет.

- Разнесем всю эту хамскую орду. Мы им хорошо насыпали. А завтра ночью ударим от Смоленского рынка так, только перья посыпятся.

Утром ее повели в лазарет на перевязки.

Когда проходили мимо белой стены, в глаза бросилось: у стены, в розовой ситцевой рубашке, с откинутой головой лежал рабочий - сапоги в грязи, подошвы протоптаны, над левым глазом темная дырочка.

- Шпион! - бросил юнкер, проходя и не взглянув. - Поймали.

Девушка целый день работала в лазарете мягко и ловко, и раненые благодарно глядели в ее серые, темно-запущенные глаза.

- Спасибо, сестрица.

На вторую ночь отпросилась домой.

- Да куда вы? Помилуйте, ведь опасно. Теперь за каждым углом караулят. Как из нашей зоны выйдете, сейчас вас схватят хамы, а то и подстрелят без разговору.

- Я им документы покажу, я - мирная. Я не могу. Там сестренка. Бог знает что с ней. Душа

изболелась...

- Ну да, маленькая сестра. Это, конечно, так. Но я вам дам двух юнкеров, проводят.

- Нет, нет, нет... - испуганно протянула руки, - я одна... я одна... Я ничего не боюсь.

Тот пристально посмотрел.

- Н-да... Ну, что ж!.. Идите.

"Розовая рубашка, над глазом темная дырка... голова откинута..."

Девушка вышла из ворот и сразу погрузилась в океан тьмы, - ни черточки, ни намека, ни звука.

Она пошла наискось от училища через Арбатскую площадь к Арбатским воротам. С нею шел маленький круг тьмы, в котором она различала свою фигуру. Больше ничего - она одна на всем свете.

Не было страха. Только внутри все напрягалось.

В детстве, бывало, заберется к отцу, когда он уйдет, снимет с ковра над кроватью гитару, усядется с ногами и начинает потинькивать струною, и все подтягивает колышек, - и все тоньше, все выше струнная жалоба, все невыносимей. Тонкой, в сердце впивающейся

судорогой - ти-ти-ти-и... Ай, лопнет, не выдержит... И мурашки бегут по спине, а на маленьком лбу бисеринки... И это доставляло потрясающее, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Так шла в темноте, и не было страха, и все повышалось тоненько: ти-ти-ти-и... И смутно различала свою темную фигуру.

И вдруг протянула руку - стена дома. Ужас разлился расслабляющей истомой по всему телу, и бисеринками, как тогда, в детстве, выступил пот. Стена дома, а тут должна быть решетка бульвара. Значит, потерялась. Ну, что ж такое, - сейчас найдет направление. А зубы стучали неудержимой внутренней дрожью. Кто-то насмешливо наклонялся и шептал:

- Так ведь это ж начало конца... Не понимаешь?.. Ты думаешь, только заблудилась, а это нач...

Она нечеловеческим усилием распутывает: справа Знаменка, слева бульвар... Она, очевидно, взяла между ними. Протянула руки - столб. Телеграфный? С бьющимся сердцем опустилась на колени, пошарила по земле, пальцы ткнулись в холодное мокрое железо... Решетка, бульвар. Разом свалилась тяжесть.

Она спокойно поднялась и... задрожала. Все шевелилось кругом - смутно, неясно, теряясь, снова возникая. Все шевелилось: и здания, и стены, и деревья. Трамвайные мачты, рельсы шевелились, кроваво-красные в кроваво-красной тьме. И тьма шевелилась, мутно-красная. И тучи, низко свесившись, полыхали, кровавые.

Она шла туда, откуда лилось это молчаливое полыхание. Шла к Никитским воротам. Странно, почему ее до сих пор никто не окликнул, не остановил. В черноте ворот, подъездов, углов - знает - затаились дозоры, не спускают с нее глаз. Она вся на виду; идет, облитая красным полыханием, идет среди полыхающего.

Спокойно идет, зажимая в одной руке пропуск белых, в другой - красных. Кто окликнет, тому и покажет соответствующий пропуск. Кругом пусто, только без устали траурно-красное немое полыхание. На Никитской чудовищно бушевало. Разъяренные языки вонзались в багрово-низкие тучи, по которым бушевали клубы багрового дыма. Громадный дом насквозь светился раскаленным ослепи-

тельным светом. И в этом ослепительном раскалении все, безумно дрожа, бешено несло в тучи; только, как черный скелет, неподвижно чернели балки, рельсы, стены. И все так же исступленно светились сквозные окна.

К тучам неслись искры хвостатой красной птицы, треск и непрерывный раскаленный шепот - шепот, который покрывал собою все кругом.

Девушка обернулась. Город тонул во мраке. Город с бесчисленными зданиями, колокольнями, площадями, скверами, театрами, публичными домами исчез. Стояла громада мрака.

И в этой необъятности - молчание, и в молчании - затаенность: вот-вот разразится, чему нет имени. Но стояло молчание, и в молчании - ожидание. И девушке стало жутко.

Нестерпимо обдавало зноем. Она пошла наискось.

И как только дошла до темного угла, выдвинулась приземистая фигура и на штыке заиграл отблеск.

- Куды?! Кто такая?

Она остановилась и поглядела. Забыла, в

которой руке какой пропуск. Секунда колебания тянулась. Дуло поднялось в уровень груди.

Что ж это?! Хотела протянуть правую и неожиданно для себя протянула судорожно левую руку и разжала.

В ней лежал юнкерский пропуск.

Он отставил винтовку и неуклюже, неслушающимися пальцами стал расправлять. Она задрожала мелкой, никогда не испытанной дрожью. С треском позади вырвался из пожара сноп искр, судорожно осветив... На корявой ладони лежал юнкерский пропуск... кверху ногами...

"Уфф, т-ты... неграмотный!"

- На.

Она зажала проклятую бумажку.

- Куда идешь? - вдогонку ей.

- В штаб... в Совет.

- Переулком ступай, а то цокнут.

...В штабе ее встретили внимательно: сведения были очень ценные. Все приветливо заговаривали с ней, спрашивали. В кожанке, с чахоточным лицом, ласково ей улыбался.

- Ну, молодец девка! Смотри только, не со-

рвись...

В сумерки, когда стрельба стала стихать, она опять пошла на Арбат. В лазарет все подвозили и подвозили раненых из района. Атака юнкеров от Смоленского рынка была отбита: они понесли урон.

Целую ночь девушка с измученным, осунувшимся лицом перевязывала, поила, поправляла бинты, и раненые благодарно следили за ней глазами. На рассвете в лазарет ворвался юнкер, без шапки, в рабочем костюме, взъерошенный, с искаженным лицом.

Он подскочил к девушке:

- Вот... эта... потаскуха... продала...

Она отшатнулась, бледная как полотно, потом лицо залила смертельная краска, и она закричала:

- Вы... вы рабочих убиваете! Они рвутся из страшной доли... У меня... я не умею оружием, вот я вас убивала...

Ее вывели к белой стене, и она послушно легла с двумя пулями в сердце на то место, где лежал рабочий в ситцевой рубашке. И пока не увезли ее, серые опухшие глаза непрерывно смотрели в октябрьское суровое

и грозное небо.
1926